

УДК 330.32 : 338*8

ОРИЕНТИРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ЛЕСНОГО СЕКТОРА БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ “ПЕРЕХОДНОЙ” ЭКОНОМИКИ

Т. В. Каштелян

кандидат экономических наук, доцент

Белорусский государственный технологический университет

Статья посвящена выявлению микрооснований воспроизводственных процессов экономики лесного сектора Беларуси. В рамках теоретических концепций экономики “переходов” от одних институциональных режимов к другим обосновываются ориентиры воспроизводственных процессов отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности, изначально связанные с рентным потенциалом. Доказывается потребность инновационного развития с позиций эколого-экономического и институционального подходов.

Ключевые слова: воспроизводство, рента, институциональный режим, “переходная” экономика, лесной сектор, институциональная организация воспроизводства, лесное управление, инновационное развитие.

Введение

Беларусь в рамках системы “инновационных координат” экологического развития не занимает лидирующих позиций [1]. Однако методические основы для повышения позиционирования в рейтингах рассматриваются [2], предпринимаются определенные попытки в отношении институционального анализа готовности белорусского общества к нововведениям. Коль скоро выбор механизмов инновационного развития перестает быть сферой директив и указов, а переходит в сферу рыночных отношений и опоры на собственные источники [3], следует обратить внимание на функционирование лесного сектора как одного из важнейших объектов, как крестьянского уклада жизни белорусов, так и городского. Прежде всего, следует отметить, что в экономическом развитии любой страны важную роль играет национальная инновационная система и государственная политика. Для измерения эффективности последней на макро-уровне обычно применяют критерии удельного веса затрат на науку в ВВП, численность работников, занятых научными исследованиями и др., а также характеристики инновационной активности организаций [4]. Последние можно интерпретировать в контексте “оппортунистического” поведения субъектов лесного сектора Беларуси, что наглядно иллюстрирует динамика отраслевых инноваций. Если в 2014 г. 13 организаций лесопромышленного комплекса внедряли технологические инновации, 5 – организационные и 2 – маркетинговые, то в 2016 г. общее число инновационных субъектов (с учетом издательско-полиграфических агентов) не достигло десяти [4].

В связи с обозначенной важностью регулирования экономического развития в свете экологизации и инноватизации, все более актуальным в лесном секторе экономики Беларуси становится вопрос о том, должны ли быть вопросы финансирования процессов экономического развития (обновления основных фондов и товарных ресурсов) делом государства. Ответ с учетом уже созданной инфраструктуры институционального развития является всегда положительным. Однако отметим, что в системе проектов будущего прямого финансирования инноваций уже нет ни одного субъекта лесного сектора [5]. Отсюда главную роль для рассматриваемых видов экономической деятельности играет опора на процессы воспроизводства ресурсов за счет собственных средств. Цель работы заключается в обосновании необходимости институциональных преобразований субъектов лесных отраслей в зависимости от их собственных ориентиров, которые они призваны выполнять в системе воспроизводственных отношений.

Исторически сложилось так, что направления теоретических разработок по изменениям правовых основ деятельности, совершенствованию экономических механизмов регулирования в целях инновационного развития в лесном секторе Беларуси не являются широко востребованными. Практически неисследованными остаются гетерогенные интересы субъектов лесного

хозяйства и лесной промышленности, а также многие факторы, блокирующие интеграцию и согласование экономических политик указанных отраслей. В отрасли лесного хозяйства, правда, делается акцент на фундаментальную концепцию рентной политики, которая (также как и инновационная) является объектом институционализации. Попытаемся очертить применительно к практике хозяйствования лесных субъектов нетривиальный характер ренты.

Основная часть

Лесной сектор Беларуси – это совокупность экономических агентов лесного хозяйства и лесной промышленности, которые, однозначно можно сказать, задерживаются на индустриальной стадии развития, сохранив при этом основные черты (конфигурацию) институтов прошлого. На наш взгляд, поворот в инновационное “русло” институций лесного комплекса во многом зависит от созданных стратегий и условий их практической реализации. Генерация их осложняется как “резервуарами” имеющихся теоретических концепций, так и многими нерешенными вопросами институционализации интересов экономического развития, спроса на лесопродукцию, неопределенности развития.

Основаниями для перехода на “рельсы” инновационной активности является теория новой экономики, основанной на знаниях, которая предопределяется высокой образованностью персонала, креативностью, экономическими механизмами стимулирования внедрений всего ранее неизведанного, передового. Инновационность в любой отрасли – это снижение издержек производства, повышение прибыли, высокое качество товаров и понижающихся цен, создания новых технологий, удовлетворение новых и более сложных покупательских потребностей. Можно согласиться с высказыванием о том, что “инновационность в современных условиях – это новый способ производства, новая система отношений, новые формы организации и управления, разнообразие форм реализации, глубоко изменяющих способ жизни всех слоев общества” [6]. Отметим, что инновационная деятельность на предприятиях должна охватывать различные аспекты – продуктовый, процессный (технологический), организационно-экономический (управленческий), в которых важно рассмотрение потенциала рентабельности (ренты).

Узловые проблемы теории рентных отношений, которые определяют специфику функционирования природных комплексов, связаны с тем, каким образом они институционализированы в конкретном обществе (государстве). На этот важный факт указала в своем исследовании Р.П. Кудряшова [7]. Указанный автор отметила, что “подходы к ренте как явлению современного общества мало изменились... Существует дефицит системных исследований в области теории ренты. Он обусловлен, прежде всего тем, что современный этап развития общества требует интеграции методологических потенциалов классической и маржиналистской концепций с институциональным направлением, которая позволит исследовать экономику постиндустриального общества” [7, с. 5]. В качестве главной проблемы исследователь обозначила аккумуляцию ренты как источника благосостояния общества.

Следует признать, что многие теории в интерпретации практических работников лесного сектора базируются на традиционных аргументах советских времен, слабо учитывающих современные мотивации субъектов указанных отраслей. Не умаляя значимости разработок по проблемам повышения доходности субъектов лесного комплекса, отметим, что выработка институциональных моделей инновационного развития в свете выполнения лесным хозяйством государствообразующих функций должна представлять собой некий синтез теоретических воззрений, обладающий свойствами отхода от “сырьевой” ориентации воспроизводственных процессов к экологоориентированной, конкурентноспособной экономике. Однако развернуть альтернативные подходы стимулирующих воздействий экономического регулирования для перестройки лесных отраслей на “инновационные рельсы”, которые позволили бы учитывать особенности функционирования производств и управленческих практик, не просто. На наш взгляд, определенные возможности для этого предоставляет теория “переходов” от одних институциональных режимов к другим [8]. При этом нужно учесть интерпретации отраслевых процессов сквозь призму режимов воспроизводства мезоэкономики [8], не забывая о наследии классических школ, постулирующих теорию ренты.

Современная картина институтов рентных отношений представляется достаточно мозаичной. Среди разновидностей ренты выделены: земельная, горная, лесная, имущественная, интел-

лектуальная, технологическая, инновационная и др. По мнению большинства исследователей ренты, данная категория в экономическом развитии остается до сих пор своеобразным камнем преткновения. Изобилие подходов к интерпретации, измерению, факторной идентификации, фактическому присвоению реальной ренты затрудняет встраивание ее в целостную понятийную систему институциональных основ экономического роста. Вместе с тем в последние годы на отечественной научной базе обозначились перспективные усилия в рамках данной предметной области [9; 10]. На наш взгляд, рента может и должна быть предметом исследований в условиях модернизационного вызова Беларуси – инноваций.

Так, одна из наиболее первых и глубоких трактовок ренты принадлежит А. Смигу. В условиях спецификации прав собственности на землю рента является доходом, который присваивается собственником земельного участка. В главе 10 “О ренте с земли” доход собственника рассматривается в виде арендной платы, которую собственник получает при данном качестве земли [11]. Факторами первого порядка, влияющими на ренту, являются плодородие и отдаленность участков. У Д. Рикардо рента связывается с ограниченностью ресурса земли [12]. Лучшие земли предполагают большую урожайность, поэтому возникает дифференциальная рента, но худшие земли также обладают потенциалом использования. Так как население Земли не может остановиться в использовании ресурсов, то в обработку попадают и худшие земли. Поэтому рента у Д. Рикардо – это превосходящий среднюю прибыль доход.

У А. Маршала рента получает приставку “квази-” [14], что означает “мнимый”, синонимами которой являются “лже-”, “псевдо-”, “якобы, почти, словно”. Узкая интерпретация ренты указанным автором расширена от выводов об обычной сверхдоходности до экономической политики, которая применительно к земельным отношениям позволяет использовать подсистемы институциональных факторов, связанных с финансированием экономики.

Разработанная К. Марксом теория рентных отношений, хотя и базируется на продуктовых движениях (что немаловажно в аспекте рассмотрения аккумуляции ренты), имеет в основе такую институциональную организацию экономических процессов, которая связана с функционированием доминирующего социального института (класса капиталистов). Пожалуй, одним из наиболее важных моментов, который был замечен в институтах капитализма, является “превосходящая” роль некоторых слоев общества, которые в рентных доходах “лицезрели” не долю оплаты труда работников, а средства обогащения. Этим и объяснялся характер хищнической ренты, той, которая служила источником обогащения отдельной “прослойки” общества. С тех пор прошло немало времени. По мнению В.С. Мартыянова [14], произошел “переход” от “естественного государства к обществу открытого доступа”. Ссылаясь на работу Г. Стендинга, в которой конкуренция выдвигается в качестве детерминанты, делающей “ренту временным явлением”, указанный автор акцентирует на преждевременном забвении понятия “рента”. Рентные основания современного общества представляются как “вариативный сплав эгалитарной и иерархической моделей распределения ресурсов” [14, с. 65], поэтому следует учитывать институции рентного поведения субъектов и решающей роли государства.

Ситуация с факторами, которые позволяют “генерировать” ренту достаточно сложна. Речь идет не о простой вере в то, что природные силы позволяют получить доход, а о базовых предпосылках рационального поведения (максимизации дохода), позволяющих инспирировать и (позже) изымать рентный доход как часть дохода собственника ресурса. Реалистичным можно считать подход, когда все факторы, участвующие в процессе производства «генерируют» отдачу. Природный фактор, хотя и является строго доказанным, но часто не идентифицируется явно в системе цен (как это было в лесном комплексе времен советского периода). Поэтому в кругу исследователей современности считается, что он может быть в силу определенных обстоятельств как недоплаченным, так и не оплаченным вовсе. Не зря белорусским исследователем С.Г. Вегерой [10] практически доказывается, что рентный доход в системе земельных отношений не изымается в Беларуси по причинам отсутствия бухгалтерских оснований его начисления.

Так, А. Ковалив [15] ренту называет рентосогласующей прибылью. С таким подходом можно согласиться. Если опираться на агрегатную статистику и анализ средних величин, то действительно можно видеть отклонения в сторону повышенной доходности у некоторых экономических агентов. Однако проблема идентификации причин, вызвавших рентосогласующую

прибыль, все-таки присутствует. В лесном комплексе она связана как с природно-производственными, так и с институциональными организационно-экономическими факторами.

В институциональном аспекте экономические отношения, связанные с формированием, перераспределением и использованием ренты формализуются через разделение функций прав владения и пользования. Принципиальное значение имеет анализ условий получения ренты. Считается, что все отрасли народнохозяйственного комплекса можно разделить на рентные и нерентные. В рентных отраслях дополнительный доход – есть реализация отношений монопольной власти, стоимости, некоего специфического сочетания всех ресурсов, позволяющих получить для рантье доход. Однако тот пользователь ресурсов, который отдает ренту, должен обязательно иметь источник такого дохода, т. е. некую свехприбыль, которую он может заплатить собственнику, оставив при этом средства для осуществления кругооборота оборотных средств, воспроизводства трудовых ресурсов и др.

Переход от системы рентных отношений к налогу с оборота был осуществлен в экономике советского периода. Тогда дилемма формализма и реализма ренты решена была однозначно в пользу наличия “государственной сверхдоходности”, а значит присвоением ее единственным и монопольным собственником. Не зря понятия административно-политической ренты [14] в экономической науке стран бывшего СССР изучаются достаточно интенсивно.

Сравнительный анализ теоретических подходов, проведенный А.В. Ложниковой [16], ставит под сомнение изученность лесной ренты с точки зрения позиционирования ее в кадастровой оценке природных богатств. Как обозначила исследователь “рентная политика 60-х прошлого века полностью соответствует современной зарубежной универсальной концепции оценки ренты как свехприбыли, создаваемой не только в добывающих, но и обрабатывающих отраслях, секторе услуг экономики” [16]. Что касается экономики развитых стран, то на многочисленных примерах приходится констатировать зависимость рыночной цены древесного сырья от результатов работы лесопромышленных субъектов, их эффективности. В этих условиях огромный интерес приобретает также вопрос о запасах лесных ресурсов, объемах спелой древесины, пригодной для промышленной переработки – результатах работы лесного хозяйства.

Идея рентной концептуализации экономики лесного хозяйства Беларуси принадлежит А.В. Неверову [9]. Определив в лесном управлении [9] два направления получения ренты (экологическое и экономическое), указанный автор способствовал возрождению интереса к анализу рентных отношений, включая понятие производственный запас леса (далее – ПЗЛ). Исходная черта указанной категории (ПЗЛ) заключается в отделимости некоего объема ресурсов из запасов, выполнением общественных функций, финансовой потребностью жертвовать сегодняшними средствами в определенной пропорции для того, чтобы сегодняшние блага “обменивались” на будущее. Однако даже учитывая двойственный характер указанной категории лесной ренты в связи с общественными и хозяйственными функциями ПЗЛ (связанными с неосязаемыми и с осязаемыми благами) в прикладном контексте (для Беларуси в частности) модель рентной политики лесных отраслей, приносящих некую сверхдоходность, не реализуется. Ренту можно “улавливать” только через институционализацию ее в экономических отношениях “собственник – заготовитель”, “заготовитель – переработчик” при функционировании эффективных предприятий, использующих лесные ресурсы (преимущественно в неконкурентных условиях).

Основой обменных процессов является рынок. Ценообразование и налогообложение – это два взаимосвязанных механизма, которые институционализируют интересы рентиориентированного поведения субъектов. Определение цен с учетом рентосогласующих прибылей – это удел ценообразующих практик. При этом можно присоединиться к мнению А.В. Мещерова [17], который цитируя критику академиком Д.С. Львовым недостатков трудовой теории стоимости, ссылается на важность понимания того, что воспроизводственные процессы в советские времена находились под влиянием неправильной ориентации “хозяйственных решений, и, как следствие”, этим обусловлена деградация “производительных сил общества”. Виной всему – отечественная система ценообразования, которая формируется на основе полных затрат с учетом небольшой (и порой отрицательной) рентабельности.

В современных условиях Беларуси обменные процессы частично подчиняются принципам свободного ценообразования (но в подавляющем большинстве не являются источниками для получения сверхдоходов). Конкурентные подходы к реализации лесных ресурсов на бирже ис-

пользуются, но специфичность древесного сырья порождает серьезное соперничество в потреблении, связанное с определенными характеристиками (сортиментный состав, порода, близость доставки и др.).

Ситуация с рентными доходами как в части осязаемых, так и неосязаемых активов (экологических) в значительной мере формируется под влиянием рыночных факторов. Но, по мнению Р.П. Кудряшовой [7], если эти платежи (выручка) используются в качестве воспроизводства сырьевой базы, то их нельзя признавать рентными. С этим нельзя не согласиться. Аккумуляция ренты можно было бы связать с превышением фактической прибыли над нормальной. Однако при этом следует учитывать как практику ценообразования, так и пропорциональный характер налогообложения, который обеспечивает повышение налогов в зависимости от роста доходности (что не стимулирует экономических агентов к росту доходов). При этом здесь в теоретическом контексте следует иметь в виду и дискуссионный характер того, что считать нормальной прибылью предприятий.

Нынешняя экономика лесного хозяйства Беларуси обладает лишь виртуальными атрибутами, наличие которых традиционно рассматривается в качестве основополагающих элементов рентного концепта. Упускаются многие факторы, влияющие как на образование цен, так и на регулирование хозяйственных отношений.

Аренда – есть одна из разновидностей ренты. В белорусском лесном комплексе для концерна “Беллесбумпром” в качестве арендных ставок применяется попенная плата, которая по своему экономическому содержанию должна быть впоследствии использована на возобновление изъятых ресурсов. Другими словами, получателем такого рода оплат (корневых цен) является не собственник, а субъект, которому доверили регулицию доступа к ресурсу (Минлесхоз), обязанный распределить их в рамках своих структур на воспроизводство ресурсов лесных массивов. Косвенными указаниями на то, что арендные отношения в лесном комплексе Беларуси являются скорее “давальческими” контрактами по поводу объемов, отчуждаемых от ПЗЛ, чем рентными, служит как отсутствие наделения лесозаготовителей функциями воспроизводственного характера в отношении лесных ресурсов, так и сверхдоходности у пользователей в процессах “заготовка – переработка” сырья.

Прямое указание на “официальное непризнание” рентных отношений служит уже сложившийся к настоящему времени лесоторговый режим в Беларуси (через биржу и прямые договорные практики). Суть в том, что древостои, выставленные на торги по определенным ценам на бирже для дальнейшей заготовки, не всегда теперь обеспечивают превышение стартовой стоимости (попенной платы). К тому же сама по себе эта стоимость не исчисляется в реальности по принципу учета затрат воспроизводства ресурсов на определенной территории. Да и ко всему прочему она не является для государства средством возмещения важной функции оценок стоимости доступа к ресурсу (лесоустойчивой) – определения вариантов границ лесных участков, оценки ресурсных возможностей, планов лесонасаждений, сортиментных оценок и оценок возможностей транспортного освоения. Но в условиях функционирования Минлесхоза (в соответствии с его ведомственными указаниями) часть ее (10%) используется в качестве источника строительства лесных дорог.

Принципы экономической политики в отношении присвоения ренты включают: наличие неэластичного предложения ограниченного ресурса, горизонт планирования хозяйственной деятельности (исключительно долговременный [16]) и, отметим, повторяясь, монопольное положение субъектов. Институт собственника фактора производства определяет способы изъятий и присвоения ренты. Отметим, что в белорусском лесном комплексе регулирование доступа к лесным ресурсам осуществляется в рамках структур, которым доверяет государство выполнение данной функции (лесных хозяйств). Они занимаются еще самостоятельно хозяйственной деятельностью. Институты монополии государства-собственника дополняются институтами пользователей-конкурентов, присваивающих доход от заготовки и переработки. Можно сказать, что только лишь институционализация спроса на лесопродукцию оказывает влияние на реальные возможности выделения из общих доходов рентные, а монополия собственности государства должна быть дополнена мотивирующими моментами заготовителей и переработчиков для получения сверхприбыли. И в этом аспекте интересны исследования, которые связывают ренту как с фиктивными денежными доходами, так и недоплатами за использование трудовых ресур-

сов и недовоспроизводством основного капитала. Однако данное исследование выходит за рамки данной статьи.

Спецификация форм собственности не является препятствием для изъятия и присвоения ренты (наоборот, она – ее главная предпосылка), однако в лесной ренте измерительные практики осязаемой ее части (экономической по А. Неверову) достаточно спорны. Так, в прошлом веке отечественная экономика функционировала при отсутствии самоуправляемых предприятий, рента изымалась в бюджет, и соответственно формировались фонды, которые использовались для инвестирования субъектов. Если рентную политику осуществлять на практике можно, лишь измеряя и учитывая ренту, то проводить ее следует по опыту развитых стран (например, Норвегии) в целях повышения благосостояния населения. Парадигма рентных процессов в условиях Беларуси и ее лесного комплекса в частности трансформирована под влиянием совершенно иной, отличающейся от западных примеров форм и структур институциональной организации воспроизводственных процессов, ценовых практик и главным образом налогообложения (предполагающего налог на добавленную стоимость, а по сути налог с оборота у лесозаготовителей, которые передают заготовленное сырье на переработку).

Не использовать преимущества сырьевых отраслей, наделенных рентным потенциалом, для осуществления процессов воспроизводства является большим упущением в экономической политике. При этом надо понимать, что для того, чтобы получить ренту, следует учитывать процессы воспроизводства не только основного, но и трудового капитала. Природная рента может быть высчитана правильно только после возмещения всех затрат на воспроизводство ресурсов (в первую очередь, человеческих). Если рассматривать институциональную организацию воспроизводства лесных ресурсов в Беларуси под “углом” движения основной продукции лесного хозяйства (древесины) к конечному потребителю, то из анализа “выпадает” целостная трансакция воспроизводства лесных ресурсов как часть лесопромышленной цепочки создания стоимости.

Экономика определяется движением финансовых потоков. В белорусском лесном комплексе ориентиры возмещения полных затрат лесовоспроизводственного характера никак не связаны с позиционированием природно-ресурсной ренты, отдаваемой лесопромышленниками государству, а затем получаемой населением в виде экологических благ. Они являются некой “нагрузкой”, вышедшей из традиций бухгалтерского учета бюджетных организаций, обязанных обеспечить трату полученных средств сугубо по назначению или в соответствии со сметной системой.

Прежде всего, укажем на имеющиеся различия между теоретической и практической экономикой. Экономическая теория дальше от эмпирических данных, чем вторая. Эмпирическая проверка рентных отношений подвергается теперь серьезным переосмыслениям в связи с вычлениением как транспортного, так и качественного фактора (фактора плодородия) из доходов. К примеру, выделение логистического сектора в экономике позволяет в некоторой степени исключить первый фактор из рентных отношений. Транспортировка, если она даже обеспечена экономической доступностью ресурсов, относится к затратному фактору, обрекая поставщиков ресурсов на закупки горюче-смазочных материалов, оплату труда, обслуживание автомобилей и др. Что касается плодородия, то в лесном комплексе пока присутствуют процессы самовозобновления ресурсов, есть некоторые “ареалы” получения рентных доходов. Но нет главных экономических форм ее реализации – сильного налогообложения (в виде одного лесного налога), монопольных цен.

Рассматривая дифференциацию таксовых стоимостей древесины на корню в отечественной практике, можно наблюдать лишь “иллюзорные ожидания” от того, что при покупке древесины на корню состоится выравнивание условий хозяйствования субъектов, которые купят лес по более низкой цене, но на удаленном участке. Механизм рентных отношений подразумевает ценообразование, которое направлено на получение некоего дохода, не связанного напрямую с прослеживаемыми в текущем периоде затратами. Если иметь в виду экономическую ренту лесопользования, то отнесение к числу рентных отраслей лесного хозяйства Беларуси является достаточно дискуссионным. Во-первых, в лесном хозяйстве имеется широкий перечень некупаемых затрат текущего периода, связанных с обще-инфраструктурными моментами осуществления деятельности (охрана лесов от пожаров, вредителей, лесные дороги), во-вторых, пенная плата тратится на лесовоспроизводственные и лесовосстановительные работы. Сложность реального объекта ренты (древесного сырья) обуславливается той организационной формой от-

ношений, которая позволяет их урегулировать (фактически “поймать”, аккумулировать ренту). Право регулирования доступа к ресурсу государство доверяет хозяйствующим субъектам, которые по существу выполняют эти функции, но и в реальности возмещают понесенные затраты за счет полученной попенной платы и с использованием бюджетных средств.

В связи с продолжающимися исследованиями категории стоимости и ренты ставятся проблемы отсутствия полных институциональных основ ренты природного характера в части дифференцирующих факторов – транспортной составляющей. Как справедливо отметили авторы учебного пособия по оценке земли, “абсолютная рента представляет собой единственный компонент, допускающий возможность его нормирования и преискуртантного выражения в границах территории, используемой данной отраслью, в отличие от непрерывно изменяющихся значений дифференциальной и монопольной ренты при переходе от одного участка к другому” [18]. С такими высказываниями согласны. Так как отечественные экономические реалии не предполагают того, чтобы заготовитель, купивший ресурс на более дальнем расстоянии, окупил сполна затраты по сравнению с тем ресурсом, который находится близко.

Лесная рента является одной из категорий, которая сопряжена не только с традиционными факторами бизнеса (территориальными и, соответственно, транспортно-логистическими, спецификации прав собственности и др.), но и организационными формами экономической деятельности по воспроизводству ресурсов, которые не осуществляют и тем более не совмещают расчеты по измерению ренты с реальным движением благ. Кроме этого, важным моментом является функциональное назначение прибавочной стоимости. В настоящее время предпринимаются усилия по обозначению роли и моделированию не только экономической, но и экологической ренты. Так, согласно методике О. Веклич [19], в Украине финансовые затраты, которые требуются для восстановления окружающей среды, составляют около 5% ВВП ежегодно! Это цифра “экологической цены” ВВП без учета влияния экологического фактора на результаты функционирования национальной экономики. В Беларуси данный критерий может быть оценен еще выше указанного для соседней страны. В этом заключается один из парадоксов рентоориентированного поведения субъектов лесного комплекса, суть которого в том, что фундаментальные условия (ориентиры) воспроизводства лесных ресурсов кроются в предложении экологической ренты для потребления общественных функций ПЗЛ населением. Однако фактически она не формируется как стоимость в системе отношений лесопользования и, соответственно, не удерживается с субъектов, опосредующих позиционирование и движение ресурсов леса.

Известны также исследования, когда налог (главным образом, на сверхдоходы) позиционируется в качестве одного из инструментов рентных отношений [16]. Имеются политики развитых стран (США в частности), направленные на искусственное снижение доходности добывающих отраслей, для обеспечения инвестиционной привлекательности переработки. Не вдаваясь в специфику их осуществления, отметим, что роль рентного фактора в контексте налогообложения лесных массивов сводится главным образом к тому, чтобы изъятия прибавочных доходов взимались с участков по определенной методике (например, как в Польше [9]), что стимулирует к рациональному использованию лесных ресурсов. Налог является относительно постоянным по отношению к выручке от реализации, поэтому продавец ресурса стремится улучшить ресурсный потенциал, чтобы заработать больше на заготовке и продаже изъятых из ПЗЛ объемов.

Таким образом, в микрооснованиях воспроизводственных процессов лесного сектора складывается как природная, так и хозяйско-мотивирующая функция рентных отношений. Ориентиры регулирования социально-экономического развития передовых лесопромышленных комплексов западных стран лишены многих деформаций, которые присутствуют в отечественной экономике лесного комплекса (основанной на унаследованном из советского периода смешении понятий ренты с изымаемыми налогами, полном игнорировании ценообразующих практик в соответствии с рентосогласующими прибылями).

Заключение

В ходе исследования предпринята попытка концептуализации особой исторической формы лесной ренты как традиционного ориентира воспроизводственных процессов лесного сектора. Основными проблемными вопросами в исследовании явились: “ущербность” ценообразующих практик, спецификация прав воспроизводства лесных ресурсов (выделение данной транзакции с

точки зрения разных систем отношений), принципы измерения и изъятия ренты (государство ее забирает и в то же время отдает), демонтаж налоговой системы. Все это предполагает проблему учета ренты, последующие условия ее присвоения и использования (того всего, что касается институционализации рентной политики) в условиях отечественного лесного комплекса.

Повышение эффективности и инновационности лесных отраслей нередко связывают с рентоориентированным поведением. Однако реально существующая институциональная организация воспроизводственных процессов свидетельствует о неопределенности указанного ориентира (их не один, а несколько, в соответствии с функциями, выполняемыми ПЗЛ) и непонятности практического его применения. Предполагается курс на учет земельной ренты [10], однако, в отечественной экономике лесного комплекса рента не институционализована через стоимостные отношения. Очевидно, что курортный сбор, собираемый с туристов в зоне лесных массивов, идет на развитие местности, в которой расположен санаторий. Экологическая рента принадлежит собственнику (государству), и он ею распоряжается. В то же время лесной сектор не имеет институциональных возможностей получения именно этих средств. На уровне лесхозов идет возмещение затрат по осуществлению лесохозяйственных и лесохозяйственных работ из бюджета государства, первые из которых конституируют права доступа к ресурсу и параметры сделок дальнейшего его использования, а вторые – потребление общественных функций ПЗЛ (экологическую ренту).

Общезвестная практика ценообразования на основе определения полных затрат осуществления лесохозяйственных затрат не применяется на «старте» организации движения древесных ресурсов. Хотя бы приблизительный ее расчет на эталонный участок, на наш взгляд, мог бы позволить оценить масштабность трансакции «государство – общество» в отношении функционирования лесных массивов. Экономическую спецификацию права доступа к ресурсу осуществляют лесхозы. Они же, в подавляющем своем большинстве, носители лесоснабжающих функций. Понимаемый в классическом определении рентный доход (имеется в виду абсолютная рента) или, проще говоря, добавленная стоимость, полученная от лесозаготовок, тратится и на осуществление деятельности по воспроизводству ресурсов. По сути, цели ПЗЛ по сохранению их экологического состояния и дальнейшему преобразованию, связанные с отчуждением части дохода нынешнего, но во имя будущих поколений, являются не институционализированными в соответствии с категорией экологической ренты (в системе государственной собственности и доходности лесохозяйственных производств).

Рентосогласующие прибыли естественно присутствуют в лесном комплексе (допустим при продаже новогодних елей невелики текущие затраты, которые можно списать на себестоимость), однако их нельзя считать определяющими рентную политику [16], (так как такие продажи – это эпизоды в экономической жизни субъектов). Для ренты важен долговременный характер функционирования.

Институциональная организация воспроизводства лесных ресурсов находится в системе противоречивых ориентиров по назначениям и реальным направлениям использования прибавочной стоимости. Положение дел осложняется отраслевой спецификой структур, их статусами, выполняемыми функциями (общественными и коммерческими), главным образом «непродвинутостью» рентного концепта через функционирующие институты и тем более целостный институт рентных отношений, конкретную политику «улавливания» ренты будь то для целей экологических или инновационных. Аренда участков лесных массивов, существующая в рамках концерна «Беллесбумпром», носит характер «давальческого» контракта.

Справедливо очерченные А.В. Неверовым рентосогласующие элементы прибыли, связанные с ПЗЛ, должны быть ориентированы в соответствии со спецификацией прав отчуждения части объемов ресурсов на технологическую ренту (включая инновационную). Экологическую ренту целесообразно подвергнуть такой же институционализации (в соответствии со спецификацией прав доступа к ресурсу), а также в соответствии с доверительным управлением участками лесных массивов (рента со стороны потребления должна быть непосредственно включена в систему ценообразующих практик лесхозов). Экологическую ренту невозможно отделить от непосредственных текущих затрат, связанных с воспроизводством ресурсов. Но следует учитывать в то же время и стихийность природных факторов. В связи с этим возникает необходимость выделения ренты риск-экологической как институционализированного экономического интереса

хозяйств, занимающихся ликвидацией последствий ураганов и стихийных бедствий (финансы страхования).

На наш взгляд, целесообразна дальнейшая активизация исследований по ориентирам воспроизводственных процессов лесного комплекса в свете теории “переходной” экономики. Ее мы считаем таковой, так как с учетом опыта, освоенного традиционализма экологического регулирования в отечественных исследованиях, она представляет собой синтез рыночной, новой, институциональной экономик. На наш взгляд, это позволит придать ренте производства и потребления реальный характер (найти организационные формы для ее удерживания в целях общего благосостояния населения), аккумулировать ее в “русле” инновационной ориентации (что на практике будет означать “переход” от расточительных практик использования лесных ресурсов к институциональному режиму эколого- и инновационно-ориентированных производств).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ружевичюс, Ю.* Экологический след как новый количественный индикатор устойчивого развития / Ю. Ружевичюс. – Режим доступа: http://www.kv.ef.vu.lt/wp-content/uploads/2010/10/Str-Kazacija_J.Ruzevicius_Litva_Ekolog_slided_2010.07internet.pdf. – Дата доступа: 17.04.2017.
2. *Богдан, Н. И.* Оценка инновационной деятельности Беларуси в контексте европейских индикаторов инноваций / Н. И. Богдан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-innovatsionnoy-deyatelnosti-belarusi-v-kontekste-evropeyskih-indikatorov-innovatsiy.pdf>. – Дата доступа: 17.05.2018.
3. *Лукашенко, А. Г.* Сельскохозяйственное производство – это бизнес, а не социальный проект. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-selskohozjajstvennoe-proizvodstvo-eto-biznes-a-ne-sotsialnyj-proekt-296939-2018/>. – Дата доступа: 03.04.2018.
4. Наука и инновации: статистический сборник / председ. ред. коллегии И. В. Медведева. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018.
5. *Шумилин, А. Г.* О реализации государственной программы инновационного развития Республики Беларусь и предложениях по активизации инновационного развития. – Новости науки и технологий. – № 4. – 2017. – С. 3–9.
6. Новые явления в мировом обороте технологий: место России / под ред. Э. В. Кириченко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2010. – 116 с.
7. *Кудряшова, Р. П.* Рента в системе воспроизводственных отношений : автореф. ... д-ра экон. наук ; 08.00.01 1. Общая экономическая теория 1.1. Политическая экономия / Р. П. Кудряшова. – Самара, 2003. – 38 с.
8. *Кирдина-Чэндлер, С. Г.* Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике / С. Г. Кирдина-Чэндлер, В. И. Маевский // Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 3–23.
9. Лесное управление / А. В. Неверов [и др.]; под общ. ред. А. В. Неверова. – Минск : Пачатковая школа, 2014. – 400 с.
10. *Вегера, С. Г.* Развитие методологии бухгалтерского учета земли в контексте современной теории ренты / С. Г. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 464 с.
11. *Смит, А.* Исследование о причинах и богатстве народов. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Econom/smit/smit_1.pdf. – Дата доступа: 03.04.2018.
12. *Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо // Антология экономической классики. – Москва : Эконом, 1991.
13. *Гальперин, В. М.* Микроэкономика : в 2 т. / В. М. Гальперин, С. М. Игнатъев, В. И. Моргунов. Институт “Экономическая школа”, Санкт-Петербург, 2004. – Режим доступа: http://microeconomica.economicus.ru/index1.php?file=14_4. – Дата доступа: 03.04.2018.
14. *Мартьянов, В. С.* Капитализм, рента и демократия / В. С. Мартьянов. – Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 51–68.
15. *Ковалив, А. И.* Основные экономические интересы в процессе сельскохозяйственного использования / А. И. Ковалив // Земля Беларуси. – 2014. – № 1. – С. 19–23.
16. *Ложникова, А. В.* Рента в условиях модернизации технологического развития: макро- и микроэкономическая природа : монография / А. В. Ложникова. – Томск : ФЖ ТГУ, 2011. – 292 с.
17. *Мещеров, А. В.* Экономические отношения и институты экономики. – Вопросы экономики и права. – 2016. – № 3. – С. 61–65.
18. Оценка земли : учебное пособие / Ф. П. Румянцев, Д. В. Хавин, В. В. Бобылев, В. В. Ноздрин. – Нижний Новгород, 2003. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19291293/>. – Дата доступа: 03.04.2018.
19. *Веклич, О.* “Екологічна ціна” економічного зростання України / О. Веклич, М. Шлапак // Економіка України. – 2012. – № 2. – С. 38–45. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/EkUk_2012_2_5. – Дата доступа: 03.04.2018.

Поступила в редакцию 13.06.2018 г.

Контакты: taisiya_kascht@mail.ru (Каштелян Таисия Васильевна)

Kashtelyan T. REFERENCE POINTS IN REPRODUCTIVE PROCESSES OF BELARUSIAN FOREST SECTOR IN THE LIGHT OF THE “TRANSITIONAL” ECONOMY THEORY

The article is devoted to revealing the micro-grounds of the reproductive processes in the Belarusian forest sector economy. Within the framework of theoretical concepts of the economy of “transitions” from one institutional regime to another, the guidelines of the reproductive processes of the forest sector, initially associated with the rental potential of the branches, are grounded. The need for innovative development is substantiated in terms of environmental-economic and institutional approaches.

Keywords: reproduction, rent, institutional regimes, “transitional” economy, forest sector, institutional organization of reproduction, forest management, innovative development.